

Полина К.

Пока летит бабочка

Иногда, чтобы
понять ценность
мгновения, нужно
его остановить...

Моменты
не умеют
ждать

Тёплая сказка о времени,
которое нельзя торопить

Полина Касымкина
Пока летит бабочка

«Автор»

2026

Касымкина П. В.

Пока летит бабочка / П. В. Касымкина — «Автор», 2026

Иногда, чтобы научиться ценить жизнь, нужно хоть раз попробовать остановить время. Майя — девочка, которая вечно спешит: торопит завтрак, уроки, каникулы и даже собственное детство. Но однажды на чердаке она находит старинные часики, умеющие останавливать самые красивые мгновения. Бабочка над пионом, закат над крышами, падающая звезда, звонкий летний вечер — всё это можно удержать, продлить, рассмотреть до последней детали. Только за каждую остановленную минуту приходится платить: настоящее лето утекает незаметно и безвозвратно. Это тёплая, образная и очень трогательная повесть о времени, семье, внимательности и умении видеть красоту в простых вещах. О том, что ни один день не повторяется дважды, а самые дорогие моменты не нужно останавливать — их нужно проживать. Рядом с Майей мудрая бабушка, папа-часовщик, мама, дом, полный запахов лета и пирогов, и целый мир, который учит не торопиться.

© Касымкина П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Девочка, которая торопила время	5
Глава вторая. Сундук на чердаке	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Пока летит бабочка

Глава первая. Девочка, которая торопила время

В одном городке — таком маленьком, что его не на всякой карте найдёшь, — стояли дома с черепичными крышами. Черепица была старая, рыжая, и когда по утрам на неё садилось солнце, казалось, что на каждой крыше дремлет большой рыжий кот. Улицы в городке были мощёные, кривые и уютные, как бабушкины морщинки. После дождя в выбоинах между камнями собирались лужи, и пахли эти лужи почему-то не дождём, а самым настоящим летом — травой, пылью и чуть-чуть мороженым из киоска на углу.

В этом городке, в доме с зелёными ставнями и скрипучей калиткой, жила девочка по имени Майя.

Майя была хорошая девочка. Это вам подтвердил бы кто угодно: и почтальон Степан Степаныч, которому она помогала донести сумку до конца улицы, и соседка тётя Зоя, чьего попугая Кешу Майя однажды сняла с вишни, и даже ворчливый продавец газет, который вообще никого не хвалил, а про Майю однажды буркнул: «Ничего девчонка. Шустрая».

Вот в этом-то слове — «шустрая» — и пряталась вся беда. Потому что Майя была не просто шустрая. Майя была ужасно, невозможно, отчаянно торопливая.

Она торопилась всегда и везде. Утром она торопила завтрак: глотала кашу, почти не жуя, и поглядывала на часы, как будто каша была поездом, который вот-вот уйдёт без неё. Днём она торопила уроки: писала так быстро, что буквы у неё разбегались в разные стороны, словно цыплята от ведра с водой. Вечером она торопила сон: «Скорее бы заснуть, чтобы скорее наступило завтра!» — и от этого, конечно, не могла заснуть до самой полуночи, потому что сон — существо обидчивое и не любит, когда его подгоняют.

Но больше всего Майя торопила время. Большое время. То, которое нельзя поторопить, как ни старайся.

В понедельник она ждала пятницу. В сентябре ждала Новый год. Зимой ей хотелось лета, а летом — почему-то дня рождения, который был в конце августа. Стоило начаться чему-нибудь хорошему, как Майя уже думала про следующее хорошее.

— Скорее бы каникулы! — говорила она в мае.

— Скорее бы август! — говорила она в июне, едва каникулы начались.

— Скорее бы день рождения! — говорила она в июле.

— Ну когда же, когда же, когда же! — говорила она вообще всё время, и слова эти стучали у неё внутри, как маленький нетерпеливый барабан.

Жила Майя с мамой, папой, котом Барсиком и бабушкой. Мама работала в библиотеке и умела находить любую книжку с закрытыми глазами. Папа чинил часы в мастерской на площади — большие настенные, маленькие наручные и даже одни башенные, которые висели на ратуше и били каждый час так гулко, что голуби на площади подпрыгивали. Кот Барсик был серый, полосатый и считал себя главным в доме, хотя главной, конечно, была бабушка.

Бабушка Майи была удивительная. Она никогда никуда не торопилась — и при этом всё везде успевала. Пирог у неё подходил вовремя, варенье не пригорало, цветы на подоконнике цвели по очереди, как будто договорились, а вязанные носки выходили из-под её спиц ровно к первым холодам. Бабушка ходила медленно, говорила неспешно, и даже чай она пила так, словно в чашке у неё был не чай, а целый тихий вечер.

— Бабушка, ну быстрее! — стонала Майя, когда они шли вместе в магазин. — Мы же сто лет идти будем!

— А куда нам спешить? — спокойно отвечала бабушка. — Смотри, какая сирень распустилась. Вчера ещё не было, а сегодня — пожалуйста.

— Да видела я твою сирень!

— Видеть-то видела, — улыбалась бабушка. — А смотрела ли?

Майя не понимала, какая разница между «видеть» и «смотреть», и сердито пинала камешек. Камешек скакал по мостовой далеко вперёд — туда, куда Майе всегда хотелось: вперёд, вперёд, вперёд.

— Куда ты всё бежишь, егоза? — качала головой бабушка. — Жизнь — не автобус. На следующую остановку раньше времени всё равно не приедешь. А вот свою — проехать можешь.

Майя только отмахивалась. Ей казалось, что бабушка просто старенькая и потому всё путает. Это в старости, наверное, некуда спешить. А когда тебе девять лет, спешить нужно обязательно! Ведь впереди столько всего интересного, и всё оно почему-то наступает так медленно, так нечестно медленно!

Из-за своей торопливости Майя вечно что-нибудь пропускала. Однажды весной всем классом ходили смотреть, как на пруду вылупляются утята. Все стояли и ждали, а Майя поёрзала пять минут, решила, что ничего не происходит, и убежала на качели. И конечно, утята вылупились ровно тогда, когда она качалась, — все видели, как первый утёнок, мокрый и встрепанный, выбрался из скорлупы и пискнул, а Майя не видела.

В другой раз папа позвал её смотреть на падающие звёзды. Они залезли на крышу сарая, постелили старое одеяло, папа принёс термос с какао. Небо было огромное, чёрное, в серебряных крапинках. Но звёзды всё не падали и не падали, и Майя заскучала, заёрзала и ушла спать. А папа потом рассказывал, что через десять минут звёзды посыпались как горох — одна за другой, целый звёздный дождь, и он успел загадать четыре желания. Майя так расстроилась, что даже не спросила, какие.

И ещё было обидное с пирогом. Бабушка пекла свой знаменитый вишнёвый пирог — тот самый, от запаха которого даже почтальон Степан Степаныч замедлял шаг возле их калитки. Майя крутилась возле духовки и ныла: «Ну скоро? Ну скоро?» — а потом не выдержала и убежала к подружке Соне. И пирог разрезали без неё. Нет, ей оставили кусок, конечно, — но все самые важные пироговые события: и как он дымится, когда его достают, и как хрустит корочка под ножом, и как все ахают над первым куском, — всё это случилось без Майи.

— Понимаешь, — сказала тогда бабушка, протягивая ей оставленный кусок, — пирог можно оставить на потом. А вот момент — нельзя. Моменты не умеют ждать. Они как бабочки: пока ты бегаешь, они улетают.

— Подумаешь, момент, — пробурчала Майя с набитым ртом. — Будет ещё сто таких пирогов.

— Пирогов — будет, — согласилась бабушка и почему-то посмотрела в окно, туда, где над крышами плыло вечернее облако, розовое снизу, как будто и его поджарили в духовке. — А вот этого вечера больше не будет. Ни одного дня не бывает два раза, Маюшка. Каждый — единственный.

Майя тогда ничего не ответила. Слова бабушки показались ей странными и немножко грустными, а грустить Майя не любила — на это тоже не было времени.

Иногда Майя прибегала к папе в мастерскую. Там было замечательно: на стенах висели десятки часов, и все они тикали — кто басом, кто шёпотом, кто вприпрыжку, — а на верстаке под яркой лампой лежали крошечные шестерёнки, пружинки и винтики, такие маленькие, что папа брал их специальным пинцетом и смотрел на них через чёрную трубочку-лупу, вставленную в глаз, как пират.

— Пап, а почему время нельзя подкрутить? — спросила однажды Майя, глядя, как папа осторожно, не дыша, ставит на место волосок-пружинку. — Вот часы ты подкручиваешь. Переставил стрелки — и пожалуйста, уже вечер.

Папа вынул лупу из глаза и посмотрел на Майю серьёзно, как смотрел только на самые сложные механизмы.

— Стрелки переставить можно, — сказал он. — А время — нет. Часы, Майка, время не делают. Они его только считают. Как кассир в магазине: он деньги считает, но богаче от этого никто не становится. Подкрутишь стрелки — обманешь часы. А время не обманешь. Оно идёт себе и идёт, одинаково для всех. И знаешь, что я тебе скажу как часовщик с двадцатилетним стажем?

— Что? — Майя даже привстала на табуретке.

— Самое дорогое в часах — не стрелки и не циферблат. Самое дорогое — то, что между двумя «тик». Вот это вот крошечное «так». Его никто не замечает, а в нём-то всё и происходит.

Майя тогда решила, что папа шутит, и убежала — её ждала Соня с новым мячом. А папа посмотрел ей вслед, вздохнул и снова вставил лупу в глаз. Часовщики вообще много вздыхают: они лучше всех знают, как быстро бегут секунды, даже самые маленькие.

Так и шла её жизнь: бегом, вприпрыжку, с вечным «скорее бы». И вот однажды наступило лето — то самое лето, про которое потом в их городке рассказывали разное, а правду знали только Майя, бабушка да, пожалуй, кот Барсик. Лето началось как обычно: с тополиного пуха, с велосипедных звонков, с длинных-предлинных вечеров, когда солнце никак не хочет уходить за крыши и сидит там до десяти часов, свесив рыжие лучи.

Наступил самый длинный день в году. Бабушка с утра сказала, что в такой день раньше устраивали праздник: плели венки, жгли костры и загадывали желания, потому что считалось, что самый длинный день — волшебный, и время в него течёт не так, как всегда.

— Как это — не так? — спросила Майя, на секундочку перестав торопиться.

— А вот так. Где-то растягивается, где-то собирается в складочки, как скатерть. В такой день всякое может найтись. И всякое может начаться.

— Глупости какие, — сказала Майя. Но сказала она это тихо и не очень уверенно. Потому что день и правда был какой-то особенный: воздух звенел, тени были длинные и синие, а на чердаке, прямо над Майиной комнатой, что-то тихонько поскрипывало — как будто старый дом ворочался и вспоминал что-то давнее.

После обеда мама ушла в библиотеку, папа — в мастерскую, бабушка задремала в кресле с недовязанным носком, а Барсик растянулся на подоконнике, заняв его весь, от герани до занавески. Майе стало скучно. Соня уехала к тёте, на улице стояла жара, и даже торопить было нечего — день тянулся, как карамель.

И тогда Майя посмотрела на потолок. Туда, где был чердак. Чердак, на который ей сто раз говорили не лазить одной, потому что лестница старая. Чердак, где, по словам бабушки, хранилось «всё то, что выбросить жалко, а понять некогда».

Что-то тихонько скрипнуло наверху. Раз. И ещё раз. Как будто звало.

Майя была торопливая, но не трусливая. Она сняла тапочки, чтобы не топтать, прокралась мимо спящей бабушки в коридор и взялась за перекладину чердачной лестницы. Лестница скрипнула знакомо и ворчливо, как старый дед, которого разбудили, — но выдержала.

И Майя полезла наверх, навстречу пыльному солнечному лучу, который падал из чердачного окошка, — даже не догадываясь, что торопится она сейчас в последний раз. Потому что там, наверху, в старом бабушкином сундуке, её уже ждала вещь, которая умела делать то, о чём Майя даже не мечтала.

Останавливать время.

Глава вторая. Сундук на чердаке

Чердак встретил Майю тёплым полумраком и запахом, какого не бывает больше нигде на свете, — запахом старого дерева, сухих трав, пыльных книг и чуть-чуть, самую капельку, ёлочных игрушек, хотя до Нового года было ещё далеко-далёко. Из круглого окошка под самой крышей падал толстый солнечный луч, и в нём, как золотые рыбки в аквариуме, медленно плавали пылинки.

Майя на секунду застыла на верхней ступеньке. Именно на секунду — дольше стоять на месте она пока не умела.

Чего тут только не было! У стены дремал велосипед с одним колесом — папа называл его «когда-нибудь починю». Рядом стояли лыжи, удочки и торшер с абажуром в виде шляпы. На верёвке, протянутой под потолком, висели пучки сухой мяты и зверобоя — это бабушка сушила травы для чая. В углу громоздились стопки журналов, перевязанные бечёвкой, а на

них сидел плюшевый медведь без одного уха, очень старый и очень важный — наверное, ещё мамин, а то и бабушкин.

А под окошком, в самом светлом месте, стоял сундук.

Майя видела его и раньше — но как-то мельком, на бегу, как она видела всё на свете. Сундук был большой, тёмного дерева, окованный по углам потускневшей медью. На крышке были вырезаны цветы и птицы, и одна птица — Майя только сейчас разглядела — держала в клюве не ягоду, как другие, а крошечные часики на цепочке.

— Ничего себе, — сказала Майя шёпотом, потому что на чердаках почему-то всегда хочется говорить шёпотом.

Она подошла и потянула крышку. Крышка не поддавалась. Майя потянула сильнее, упёрлась коленкой, посопела — и вдруг крышка подалась легко-легко, словно сундук просто проверял, очень ли ей надо, и решил, что очень.

Внутри лежали аккуратно сложенные платки — пуховые, шёлковые, с бахромой и кистями. Под платками — связки писем в пожелтевших конвертах, перевязанные ленточкой. Старые фотографии в жестяной коробке из-под леденцов: строгие прабабушки в платьях с кружевными воротничками, усаые прадедушки, чья-то свадьба, чей-то выпускной, маленькая девочка с бантом больше головы — подозрительно похожая на бабушку. Ещё там была деревянная шкатулка с пуговицами всех цветов, веер с нарисованными ласточками и бинокль в потёртом кожаном футляре.

Майя перебирала всё это сначала быстро — по своему обыкновению, — но чердак как будто не разрешал торопиться. Здесь, в густом золотом свете, в тиканье пылинок, руки сами собой замедлялись. Она разглядывала фотографии, нюхала платки (они пахли духами и ещё чем-то давним), пыталась читать письма, но почерк был старинный, с завитушками, и понятно было только «дорогая моя» и «целую».

И вот, когда она подняла последний платок — синий, с серебряной нитью, — на самом дне сундука, в уголке, что-то блеснуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.